

Елена КЕППЛИН

Родилась в 1978 году в Сыктывкаре. Училась в Сыктывкарском государственном университете, Вятской государственной сельскохозяйственной академии. Работает ветеринарным врачом.

Живет в Сыктывкаре,

СПИТ РЕБЁНОК – В ЛЮБВИ, В ТОСКЕ...

* * *

Лечи больное горлышко, душа,
Используя раствор фурацилина.
Ведь надо будет как-нибудь дышать,
Когда вся жизнь, как чёрная лавина

Сорвётся с содрогнувшихся небес,
Напуганных весёлым птичьим свистом.
А ты пойдёшь со мной наперевес
Неопытным замёрзшим альпинистом

К чертогам справедливого судьи.
И рухнешь, оглушённая, немая.
Тепло моей раздавленной груди
Спасёт тебя, и, выдоху внимая,

Душа моя, пожалуйста, живи
Во мраке не оттаявшей пещеры,
На высшей точке истинной любви,
На пике милосердия и веры.

* * *

В начальную школу пойду поутру,
Кота подберу на помойке.
Не рад, вероятно, такому добру
Народ мой времён перестройки.

Но зверя от голода надо спасти,
А я в этом деле ударник.
В «хрущевке» не сможет он кров обрести,
Заселится в местный свинарник.

И в классе – с котом без амбиций и прав –
Застыла, готова к упрёку.
Наталья Ивановна села, сказав:
– Придёшь ко второму уроку...

О, как новосёла в портфеле трясло,
Пока я бежала вприпрыжку!
Ему на свинарнике будет тепло,
Помоев навалят, съест мышку.

Поэтому не в чем меня упрекнуть
Ни школе, ни скотнику Грише.
Кота пожалели, одобрили путь,
Судьбу мою определивший.

Я в школу влетела, отбив запашок –
Порог не заметила сдуру.
И села за парту, успев на урок –
На русскую литературу.

Миша-мяу

Он при встрече мычал, клекотал и мяукал,
Перемешивал звуки, пытаясь развлечь.
И казалось, ещё не возникла наука,
Что постигнет его бестолковую речь.

Мы ходили за ним, любопытная стая,
Говорили, что Бог ему нё дал ума.
Человеческого, как потом поняла я,
Потому что таким обладаю сама.

То в пальто, то в плаще, не впадая в унынье,
Он светился и свиньям помой таскал.
Я не видела, что это были за свиньи,
Он из хлева их не выпускал.

Возвращался домой, улыбаясь устало,
Будто вёл победившие в битве войска.
А ведёрко помойное напоминало
Перевёрнутый колокол без языка.

Он однажды пришёл на церковную службу
И разумно уставился на аналой.
Стало ясно, что Мише всё это не чуждо.
Я уверена – он здесь родной.

Из-под свода слышался клёкот орлиный,
И мычанье тельца, и мурлыканье льва.
Он заплакал, как плачет ни в чём не повинный,
Неразборчивый шум обращая в слова.

Он себя отыскал и предстал настоящим,
Словно реку забвения смог пересечь.
Продолжает носить то пальтишко, то плащик,
Укрывая под полами огненный меч.

* * *

Спит ребёнок в чужих руках,
как в прохладной ночной траве.
Жизнь над ним проплывёт впотьмах,
станет облаком в синеве.
Ни просвета, ни волшебства.
Только слышно, как над косою
Шумно выдохнула трава,
брызнув горечью и росой.
Спит ребёнок – в любви, в тоске,
с колыбельными про войну.
В распашонке, в одном носке,
неизвестный на всю страну.